

После того как Син Чжаоюэ обдумал слова Цзян Линя, ему пришла в голову мысль: а разве нельзя просто притвориться, что между ними зарождаются чувства? Почему бы не сыграть по его правилам? Разве не будет лучше, если Цзян Линь сам отвезет его обратно?

С тех пор Син Чжаоюэ перестал огрызаться на Цзян Линя. Садясь за стол, он больше не откладывал в сторону еду, которую тот ему подкладывал, а молча, хоть и нахмурившись, съедал её.

Ми Тао и Ми Чжу, наблюдая за этим, сияли от радости, словно уже готовились к свадьбе. Казалось, вся усадьба пришла в приподнятое настроение, и лишь Син Чжаоюэ недоумевал: неужели это было необходимо?

Цзян Линь в последнее время был очень занят, часто отлучался из поместья, но всегда возвращался к обеду и сну.

— Чем ты всё время занят? — Цзян Линь с улыбкой придвинулся к самому лицу Син Чжаоюэ, но тот поднял руку и оттолкнул его.

Цзян Линь жалобно протянул:

— А я-то думал, ты обо мне беспокоишься.

Син Чжаоюэ, скрестив руки на груди и прислонившись к дверному косяку, высокомерно ответил:

— Разве мы не должны развивать чувства? Как мы можем это делать, если ты... кхм, уходишь засветло и возвращаешься затемно?

Глаза Цзян Линя мгновенно загорелись, и он тут же подскочил к Син Чжаоюэ:

— Юэхэн, ты... это значит, ты согласился?

Син Чжаоюэ нахмурился:

— Кхм, на что согласился?

— Я люблю тебя и хочу быть с тобой. Ты ведь готов попробовать, не так ли? — Цзян Линь произнес это с такой искренностью, что Син Чжаоюэ едва успел сообразить, что ответить.

— Тогда ты отпустишь меня? — парировал Син Чжаоюэ.

Цзян Линь усмехнулся:

— Конечно, нет.

Син Чжаоюэ закатил глаза. Ну разумеется.

— Я же говорил: как только у нас появится эмоциональная основа, я смогу отпустить тебя обратно. Или поехать вместе с тобой, — вновь повторил свое условие Цзян Линь.

Син Чжаоюэ не находил слов. Мышление этого человека было просто непостижимым. Поехать с ним, чтобы стать кронпринцессой Да Ци?

— Пф-ф, — Син Чжаоюэ насмешливо фыркнул. — Ты думаешь, что если запереть меня здесь, то чувства появятся сами собой?

Цзян Линь бесстыдно заявил:

— Говорят, что чувства рождаются со временем... К тому же, я не так уж плох, у тебя нет причин меня не любить.

У Цзян Линя была одна черта: если ты проявлял мягкость, он становился мягким, но если ты шел напролом, он становился еще жестче. Поэтому Син Чжаоюэ приходилось временно подавлять вспышки гнева, ведь рано или поздно он за всё ему оплатит.

— Тогда не держи меня взаперти, — отступил Син Чжаоюэ.

Цзян Линь с удивлением посмотрел на него:

— Я тебя не запираю. Я просто велел слугам не терять тебя из виду. Кто тебе запрещал выходить? Скажи мне, кто!

Син Чжаоюэ замолчал. Выходит, последние несколько дней он сам добровольно сидел в четырех стенах?

— Ладно, завтра поедem со мной, тогда и слугам не придется ходить за тобой по пятам, — добавил Цзян Линь.

На следующий день Цзян Линь действительно взял его с собой.

Глядя на оживленную улицу под окнами чайной, Син Чжаоюэ вдруг осознал, как переменчива судьба. Еще недавно он наслаждался полной свободой, а теперь стал пленником, вынужденным делить постель с мужчиной. От одного воспоминания о том, что Цзян Линь творил с ним в тот день, у него сжималось сердце.

— Я сам решил приехать в Центральные земли. Мне всегда казалось, что это место с прекрасными горами и чистыми водами, где рождаются выдающиеся люди. Неудивительно, что местные поэты пишут столько возвышенных строк...

Син Чжаоюэ с презрением взглянул на него:

— Кто сказал, что здесь рождаются только возвышенные поэты? А я скажу, что на Северо-Западе рождаются одни гуляки.

— Эй, я — типичный северо-западный однолюб, какой из меня гуляка? — возразил Цзян Линь.
— Вы, жители Центральных земель, более изворотливы и сложны, чем мы, северяне.

Цзян Линь внезапно повернулся к Син Чжаоюэ и резко подался вперед. У Син Чжаоюэ не было внутренней силы, поэтому он не успел уклониться. Цзян Линь подцепил его подбородок, внимательно изучая лицо, и продолжил:

— И еще вы более нежны и изящны. В вас есть какая-то особая одухотворенность.

Они замерли, глядя друг другу в глаза. Шум толпы внизу стих, словно время остановилось.

Син Чжаоюэ резко смахнул руку Цзян Линя и отвернулся:

— Не смей больше так делать!

Увидев озадаченное лицо Цзян Линя, Син Чжаоюэ вспомнил, что ради возвращения в столицу ему нужно продолжать свою игру, и добавил:

— Не здесь, на людях.

Увидев двусмысленную улыбку, появившуюся на лице Цзян Линя после этих слов, он пожалел, что не прикусил себе язык.

Негодяй!

<http://bllate.org/book/18639/1794932>